

30 ноября

Дорогая Валентина Федоровна, привет с Чукотки!

Уверен, еще никто не писал Вам из такого далека. Устроили меня совсем неплохо. Бытовые удобства, каких в Торжке не сыщешь. Во всяком случае, электричество не отключают. С едой забот тоже нет, так что Вы напрасно беспокоились. Конечно, освоиться непросто: разница во времени, полярная ночь, незнакомый город. Днем клонит ко сну, а ночью не могу уснуть.

Поскольку я отправился в места, о которых не имел никакого представления, то накупил гору лекарств. Приятель посоветовал. Говорит: «Посмотри на карту! Какие там аптеки!» Так он отвечал на все, о чем бы ни заходила речь: «Посмотри на карту! Какой там стиральный порошок?.. какой кофе?.. откуда там взяться бумаге?..» Следуя его советам, я должен был захватить на Чукотку всё на свете. Между тем другой приятель убеждал не брать ничего. О чем бы я ни спрашивал, он уверенно отвечал: «Там есть всё! Это же Чукотка!»

Я был в растерянности: то упаковывал всё подряд, то, напротив, игнорировал самое важное. И все же лекарств набрал столько, что они едва поместились в сумку. Теперь, если у меня действительно что-нибудь заболит, я не распознаю, чем лечиться. Все таблетки, коробочки и бутылочки перепутались, и нужна помощь опытного фармацевта, чтобы разобраться. Глотаю только активированный уголь — единственные таблетки, которые не путаю с остальными. А валокордин, с помощью которого я обычно борюсь с бессонницей, — забыл.

В Билибино на шесть тысяч жителей — две аптеки. Частная и муниципальная. Я зашел в частную, расположенную на первом этаже двухэтажного здания. Внешне она мало отличается от других провинциальных аптек. Такая же витрина, та же стойка

с окошечком для выдачи лекарств, те же стерильные запахи, вот только при входе раздается звон колокольчика, предупреждающий аптекаря, что кто-то вошел. Здесь такие колокольчики подвешены к дверям многих магазинчиков. В аптеке есть, кажется, все для поддержания здоровья, включая лекарства, которые я привез с собой. Все дело в цене. «Как только дорожают билеты на материк, — объяснила аптекарша, — мы сразу ждем повышения цен. Зависимость полная, потому что борт — единственный способ доставки лекарств».

Поскольку Вы советовали обращать внимание на лекарства, я записал стоимость некоторых из них. Панадол — 60 руб.; фестал (10 таблеток) — 20 руб.; эссенциале форте (50 капсул) — 250 руб.; ношпа (100 таблеток) — 120 руб.; бисептол (20 таблеток) — 55 руб.; нужный мне валокордин — 40 рублей.

Аптекарша — пожилая женщина — сказала, что все лекарства на днях подорожают, но покупать их все равно будут, особенно витамины. Заметив у меня блокнот, она поинтересовалась, не связан ли мой приезд с предстоящими выборами, и, на всякий случай, стала рассказывать о трудной жизни. Будто я смогу что-то изменить. Сказала, что без лекарств на Чукотке не обойтись, поскольку питание скудное, пожаловалась на то, что многие старики перебиваются кое-как, а едят в основном хлеб и кашу; детей стараются кормить разнообразнее, но и им недостает витаминов, нет настоящего молока, лишь сухое, от которого развивается диатез; сама она специалист с высшим образованием, теперь на пенсии, а на пенсию не прожить, поэтому работает в аптеке с утра до вечера, а кроме аптеки, подрабатывает еще и в больнице, но там с апреля не выплачивают зарплату, хотя у медсестер она мизерная — 1200 рублей, и «накопилось» этой невыданной зарплатой уже тысяч двадцать; говорит, в прошлом году было то же самое: выдавали полугодичную задолженность по частям, эти части незаметно тратились, и на то, чтобы поехать в отпуск, денег не осталось; аптекарша также сказала, что перед выборами зарплату

должны выдать: так обещал губернатор, который сейчас объезжает Чукотку со своим депутатом. Ее муж хотя и работает, зарплату не видит уже три года. Говорит, так все живут, если это можно назвать жизнью...

После радости от встречи с Крайним Севером этот «поход» за валокордином меня расстроил. Мне казалось, что на Чукотке, где такие холода, власти наши должны бы постараться не оскорблять людей задержкой зарплаты или пенсии. С этим повсюду беда, но одно дело — центральные районы, другое — Чукотка. Здесь картошку и морковку не посадишь. А ведь еще нужны деньги для отпуска. Надо обязательно вывезти детей погреться и привезти с собой такого, чего на Чукотке не найти. Например, теплую одежду. К своему удивлению, я ее здесь в продаже не видел...

Я уже успел оценить роль одежды на Севере. Это не Москва: в ботинки влез, куртку накинул, на ходу застегнулся... Здесь, пока тщательно не оденешься, из дому не выйдешь. Обычно я забываю надеть перчатки. Но в Билибино и захочешь — не забудешь.

Никогда не обращал внимания на то, как зимняя одежда красит женщину. В Москве морозов нет, поэтому настоящую зимнюю одежду никто не носит. Курточки, шапочки, ботиночки, пальтишки отношения к зиме не имеют и вида не придают. В Билибино нет той роскоши и утонченной эстетики, какую можно встретить в Тюмени, Екатеринбурге, Томске или Красноярске. Здесь доминирует практичность. Повседневная одежда должна быть теплой, качественной и надежной. При том, что хочется еще и хорошо выглядеть. Какие только шубы и шапки не носят билибинские женщины! Все из натурального меха. Соболь, чернобурка, белый песец, росомаха, норка, нерпа, рыжая лиса, ондатра. На ноги надевают хорошие зимние сапоги или торбаса (панраплякыт) — национальную зимнюю обувь, похожую на унты, но более изящную и удобную.

Особенно забавно выглядят дети. В пушистых шубках, огромных шапках и торбасах, они, кажется, не ходят, а перекатываются, словно колобки. Но если женщины и дети одеваются в меха благородные, то мужчины обходятся одеждой попроще. Шапки из собаки, волка или лисы, закрывающие почти все лицо (такую шапку называют «магаданкой»), а вместо дубленок и шуб — меховые куртки или простецкие полушубки.

Раньше зимнюю одежду шили в самом Билибино и в поселках. Теперь везут с материка. Это дополнительные хлопоты, излишние расходы, к тому же деньги, которые могли бы остаться в местном бюджете, уплывают. Шьют здесь лишь торбаса, в небольшой мастерской. Но это не настоящие тундровые торбаса, а их гибрид с нашей зимней обувью.

Конечно, законодатели мод и стилей, форм и вообще всей эстетики зимней одежды — коренные народы Чукотки: чукчи, эскимосы, эвены... Ничего выдумывать уже не надо. Остается лишь заимствовать и стараться не делать хуже. Сочетание практики и удобства, выработанное и усовершенствованное столетиями и даже тысячелетиями, не подлежит сомнению. Отсюда одежда альпинистов, полярных летчиков, путешественников, исследователей — всех, кто устремляется навстречу холоду. Скорее всего, никакой иной зимней одежды, кроме той, в которую веками одеваются северные народы, в действительности нет. Ни нагольные тулупы, ни сентиментальные валенки, ни близкие сердцу шапки-ушанки, ни прочее, с чем ассоциируется у нас зима, не уберегут от беспощадного холода тундры.

Основной материал для зимней одежды чукотских народов — оленьи шкуры. Из шкуры теленка оленя (пыжика) шьют шапки (малахай), а также детские комбинезоны (калгэкэр). Ребенок родился — его засовывают в этот комбинезон, и он в нем какое-то время живет.

...Я интересовался: куда же они писают и какают? Мне объяснили, что все это прodelывается прямо туда. Если ребенок

бегают по тундре, резвятся с товарищами, затем неожиданно останавливаются, словно о чем-то задумываясь, значит, он справлял нужду. Ему в комбинезон заботливая мамаша подкладывает тщательно отобранный высушенный мох (чукотские памперсы), и, когда надо, ребенок расстегивает специальный клапан, палочкой счищает мох, затем клапан закрывает и бежит дальше...

Из шкур взрослого оленя (такие шкуры называются «неблюй») шьется верхняя и нижняя одежда — кухлянка (ирьин), штаны (конагтэ), головные уборы (кьэли), ритуально-обрядовая праздничная одежда, а также жилище чукчей и эскимосов — яранга. Чтобы сшить одежду из оленьего меха, нужно быть незаурядным мастером, но прежде шкуру надо выделывать, чтобы получился этот самый «неблюй». Вот как он делается:

«Высохшую шкуру замачивают до увлажнения мездры, которую снимают путем соскабливания скребком (энанвэнан). Для дальнейшей выделки используют олений кал (кораль) как дубильное средство. Кораль наносится на поверхность шкуры, которую складывают вдвое до полного высыхания и пропитки дубильными веществами. После скоблят каменным скребком (выквыпойгын). Одновременно с соскабливанием оленьего кала происходит первоначальное смягчение шкуры. Окончательное смягчение производится глажением пяткой с усилием».

Все непросто. А мне казалось: заарканил оленя, снял с него шкуру, прошил нитками в двух-трех местах, нацепил на себя — и пошел в тундру...

Существуют специальные «конструктивные» швы, которыми сшиваются части будущей меховой одежды. Технологически их исполнить довольно сложно, не говоря о

физическом усилии и напряжении. Малейшая щель, неточность или непрочность повлечет гибель человека, причем близкого: мужа, отца, брата. Тундра не прощает небрежностей. Посмотрите, что значит на Севере «простая» нитка, изготовленная из сухожилий оленя: сначала сухожилия (пыльгэтэн) надо распушить, чтобы получить основные составляющие (тимлюн) для будущих нитей; потом из них закручиваются тонкие нити, и только затем, сплетая их по две-три, получают окончательную нить (рытриирьын).

Для пошива одежды используют также собачьи, волчьи и росомашьи шкуры, разумеется, предварительно их выделав. Росомаший мех ценен тем, что не индевет. Его используют для отделки шапок, чтобы от дыхания не собирался иней вокруг лица. (Почему росомаха не индевет, когда все остальные покрываются инеем, — никто не знает. Вот как устроено: всякая тварь хоть в чём-то незаменима!)

Коренные жители прибрежных районов охотятся на морских зверей и, кроме оленей, шьют одежду из нерпы и лахтака, продолговатого морского животного вроде тюленя. Его также называют морским зайцем, хотя ни лап, ни длинных ушей я у него не заметил, и вообще, о существовании лахтака знал до сих пор не больше, чем он о моем.

Чем севернее — тем одежда сложнее. Какой диапазон! На экваторе туземец прикрывает листиком интимную часть тела, а здесь пошив одежды является высочайшим технологическим процессом, который уместно сравнить с изготовлением скафандра. Человек в тундре, будь это оленевод или охотник, должен быть защищен от холода, ветра и влаги. Как же надо выделывать шкуры, затем их кроить и сшивать, чтобы охотник, стоя по пояс в ледяной воде, оставался сухим, оленевод в пятидесятиградусный мороз шел по тундре десятки километров — и не замерз, а каюр, сидя в нарте, сутками мчался по морозу — и не пропал!

Выносливость, врожденная приспособленность и крепкий организм? Да! Все это у северных народов есть. Но сверх того —

безупречно скроенная и сшитая женскими руками одежда, драгоценный плод тысячелетней борьбы за выживание там, где, кажется, жить невозможно.

А что такое яранга, о которой мы чего только не наслушались? Ведь и она сшита из оленьих шкур! И кто ответит: жилище чукчей – это продолжение одежды или, напротив, их одежда — продолжение жилища? А может, это одно целое? Вот что пишут о яранге в чукотских книжках:

«Яранга, во-первых, — это жилище кочевого народа; во-вторых, это защита и опора человека, живущего в суровых северных условиях; наконец, в-третьих, яранга — плод особых законов жизни кочевников: место проведения обрядов, праздников, повседневных ритуалов, характерных для жизни оленных людей. Это является главной причиной того, что чукотскую ярангу не заменит никакое другое жилище, как бы с первого взгляда оно ни было удобно и практично. Любая замена все же остается чуждой по своей сути, так как не может выполнять всех функций, которые несет в себе яранга».

Главное место в яранге — полог (ерон'ы). Это внутри яранги как бы еще одна яранга, поменьше. Полог — святая святых семьи. *«Это место отдыха человека после трудового дня и место общения в долгие холодные зимние вечера, это место камлания шаманов, место любовных признаний, зачатия и рождения человека...»*

Вот какое впечатление произвела яранга на Федора Федоровича Матюшкина, лицейского товарища А.С.Пушкина, побывавшего в этих краях еще в первой половине прошлого века с экспедицией Врангеля:

«Сначала мы входимъ въ верхнюю палатку, намётъ, сделанный изъ дубленныхъ оленьихъ кожъ, которыя растягиваются и держатся посредствомъ тонкихъ жердей. Дымовое отверстіе вверху и котелъ посредине показываютъ, что здесь передняя и кухня находятся вместе. Но где же хозяева? Вероятно, подъ большимъ, сшитымъ изъ тонкихъ шкурокъ оленячьимъ двойнымъ мешкомъ, занимающимъ вместе съ железнымъ котломъ середину намета. Чтобы войти въ него, нужно несколько подняться къ единственному незашитому краю боковой стенки, на четверенькахъ взлезть въ отверстіе, осторожно пройти подъ шкуру, закрывающую полъ, и вотъ мы въ собственно жилой и приѣмной комнате, пологие. Этотъ ящикъ довольно удобенъ, но, къ сожаленію, онъ такъ низокъ, что можно сидеть только на полу, и нѣтъ никакого отверстія ни для света, ни для воздуха. Страшный чадъ встречается насъ, мы протираемъ глаза, и, несколько привыкнувъ къ едкой атмосфере и слабому полусвету лампы, въ которой горитъ китовый жиръ, мы замечаемъ на полу почти совершенно голыхъ и что-то жующихъ членовъ семейства, къ которому пришли засвидетельствовать свое почтеніе...»

Удастся ли мне увидеть ярангу? Для этого надо выехать в тундру, к оленеводам. Теперь даже в национальных поселках в ярангах не живут. Остается довольствоваться тем, что представлено в краеведческом музее.

Я с Вами прощаюсь и обязательно напишу еще.

Из книги «Жилище, одежда, национальная кухня» (автор и составитель — А.Тевлялькот, Анадырь, 1993):

«...материалом для полога служат особо качественные олени шкуры позднеосеннего или зимнего забоя с теплым и пушистым мехом. Но прежде чем эти шкуры займут свое место как деталь полога, они используются как постели ("айкол"). Служа постелью, они как бы проходят первый этап проверки ворса на прочность. По прошествии нескольких месяцев, ближе к лету, с них снимают с помощью скребка ("энанвэнан") и доски для обработки шкур ("вивыр") мездру ("рымнын")...

Не менее ответственное мероприятие — это выкройка с минимальными отходами и подбор меха по цвету и оттенку. Экономя каждую минуту, отрывая время от забот и сна, хозяйка изготавливает жильные нити ("рытриирийын"). Для долговечности, прочности и лучшего скольжения нить смазывают древесным углем и жиром. Обычно на шитье полога уходит месяц, если, конечно, заранее был подготовлен материал для его изготовления. Приурочивают его установку к "нэнриун" — празднику возвращения мужчин с летовки после долгой разлуки.

Полог устанавливается на подстилке из веток полярной ивы или кустарников других видов. На них стелится постель из оленьих шкур, зачастую в несколько слоев. Края полога опускаются с большим запасом, чтобы их можно было подогнуть и таким образом избавиться от сквозняков. Полог хорошие хозяйки ежедневно выбивают на улице на снегу, как и постель, так и одеяла».

КРАСНЫЙ КРЕСТ НА ЧУКОТКЕ

«С июля этого года Красный Крест России и Канады проводит совместную гуманитарную акцию "Север", "Дальний Восток, 1999". В ходе этой акции для малообеспеченных семей будет распространена 21000 продуктовых посылок, по одной на члена семьи. В посылке по 2 кг муки и макарон, по 1 кг манной крупы и сахара, 1 литр растительного масла, 0,5 кг чая и по 2 банки сгущенки и тушенки...»

*Золотая Чукотка.
Газета Билибинского района. N26, 30 июля, 1999 г.*